

Братец Дюпон

Эффект Ибн Араби

Революционное движение – это конвейер по производству разочаровавшихся. Миллионы молодых душ были совращены его радикальными, лживыми речами, затем жестко выебаны и выброшены в обывательское небытие. Одной из жертв этого совратителя был французский коммунист Жак Каматт, но марксистской ортодоксии не удалось приручить и лишить воли этот еретический ум. Каматт стал одним из тех революционеров, что объявили войну революционному движению (на равне с Ситуационистским Интернационалом и другими группами). В данном тексте говорится о группе «Передовая единица», абсорбирующей разочарование, дак вот, Фальше – это и есть эта «передовая единица» во плоти.

Для предварительного ознакомления с идеями Каматта рекомендуем **эту статью**.

Фальше

Т.: Я нашел несколько текстов Жака Каматта, не посоветуешь, с чего мне лучше начать?

Дорогой Т.,

Я не авторитетный знаток Каматта и не адепт его учения, поэтому не могу с уверенностью сказать, какая из его работ самая лучшая. За свою жизнь я понял, что не могу играть ни роль учителя, ни ученика, а потому по привычке стараюсь избегать подобных моделей поведения. Соответственно, так как я не знаю, на какие вопросы ты ищешь ответы в этих текстах, я и не знаю, как подступить, чтобы удовлетворить твое любопытство.

Вместо этого, я могу предложить тебе обсудить другой, более близкий мне, но все же связанный с твоим, вопрос. Этот вопрос – природа разрыва индивида с выбранными им отношениями, которые в значительной степени сформировали его характер. Каматт особенно хорошо подходит для этой темы, так как он является ярким примером этой тенденции прощания с сообществом и отправления в свое собственное путешествие. Признаться, я подумывал назвать эту заметку «Эффект Каматта», но мне показалось неприличным использовать для такой цели имя еще живого человека, поэтому я выбрал практически случайное имя. «Практически», потому что **Ибн Араби** был человеком, который долго скитался и спустя некоторое время уже не мог вернуться домой – он обрел себя в странствии.

До сегодняшнего дня, те, кто покидал революционное движение, чтобы пойти своей тропой, исчезали из поля видения движения. . . сколько радикалов вступило, а затем вышло из организаций, которые, как им казалось, наилучшим образом отражали их интересы? Потеря этих людей редко становится предметом дискуссий. Организации как-то умудряются поддерживать свою численность на одном уровне и постоянно при этом менять свой состав. Глав-

ная проблема, связанная с индивидуальным разрывом, – это не сама схизма, а непрекращающаяся утечка знания, полученного этими индивидами в их интеллектуальных скитаниях. Результат для организаций плачевен – они детализируют свои уставные документы и принципы, так что согласиться с ними смогут только новые рекруты. Эта бесконечная циркуляция кадров и упорство ворчливой старой гвардии лишь усиливают организационную негибкость. Исходя из своего опыта, мы можем утверждать, что там, где есть постоянная долгосрочная связь, там всегда присутствует «латание дыр» и внутренняя модификация направляющих этой связи.

Я сказал «до сегодняшнего дня», потому что сегодня впервые те, кто покинули движение и отправились в свое путешествие, были опознаны как положительное явление. Проблема до сих пор заключалась в том, что у расставшихся с организациями не было структур для обеспечения выживания их идей, и движение постоянно теряло инсайты и неожиданные теоретические прорывы, которые не могли быть привязаны ни к одной группе или партии. Впервые к мнению порвавших с организациями прислушались и организовали его, дабы не растерять вновь. Но ты можешь спросить, с чего бы это те, кто выходят из партии, обязательно должны быть самыми сознательными элементами?

Мое понимание движения человеческого сознания таково, что оно в первую очередь основано на тенденции к объединению, а во вторую очередь – на тенденции к расхождению (отсюда эффект Ибн Араби). Следовательно, мы можем утверждать, что разум всегда определяется в понятиях расхождения с данностью, а интерес непременно описывается понятиями возвращения к солидарности. От такого понимания остается рукой подать до восприятия «организации» как структуры, чья функция в действительности – это производство носителей эффекта Ибн Араби, то есть они, по сути, есть механизмы для изготовления разногласий и расставания.

Я состою в воображаемой (несуществующей) группе «Передовая единица», целью которой является интеграция индивидуальных носителей фрагментов сознания, распрощавшихся с ортодоксией движения, которая в значительной мере и сформировала их. Задачей этой интеграции является возвращение их знания обратно в движение и, соответственно, возвращение индивидуальным путешествиям их социального значения.

Каматтовский разрыв с марксизмом примечателен по двум причинам: а) Каматт не замолчал (это особенно важно для деятельности «Передовой единицы» как объединения недовольных имеющимися формами прокоммунизма), б) его разрыв обнажил ряд конкретных теоретических проблем (тотальное подчинение пролетариата, сообщество капитала, отрицание организаций и политики). Отдельно я хотел бы выделить вклад Каматта, который он сделал в следующем непримечательном предложении из «**Странствий человечества**» (я несколько перефразирую): коммунизм – это возвращение всего человеческого рассудка в нетравматизированной форме.

Другими словами, инвариантная привязанность коммунизма к человечеству – это не нечто, связанное с принадлежностью к определенной «коммунистической» теории (так как идентификации неизбежно производят ряд политических, этических и психологических побочных эффектов, среди которых не последнее место занимает насильственное принуждение к ереси), но скорее структурная и практическая поддержка рассудка людей в безопасной и комфортной атмосфере. Для меня мысль Каматта (которая противопоставляет себя восхвалению развитию производительных сил у позднего Маркса) была в некотором роде открытием, так как самоуверенность прореволюционных групп всегда казалась мне ущербной и контрпродуктивной, а идея, что коммунизм есть реализация набора принципов, всегда вызывала во мне отвращение, так как она отрицает базовое субъективное содержание всех уникальных человеческих форм прошлого и настоящего.

Так какое же значение сегодня имеют открытия тех, кто порвал с окружением? Как мне кажется, эффект Ибн Араби – это некое выражение того, как внешний мир корректирует субъективные образования и ключевые моменты сознания, связанные с ними. Эффект Ибн Араби сбивает цену переоцененным идеям, переоцененным отношениям, переоцененным предметам, переоцененным историям. Те, чьи действия обретают индивидуалистское направление, придают менее болезненный облик субъективному мышлению в рамках движения, которое по привычке склоняется к объективистской перспективе, не обращая внимания на свое маргинальное положение. Индивидуалистский уклон является выражением коррекции претензий малой группы со стороны внешней среды; индивидуализм спрашивает: «от какой из своих существенных черт вы готовы отказаться сейчас?».

До сих пор, у прокоммунистического движения не было необходимости реагировать на эффект Ибн Араби – свежий и интенсивный энтузиазм новобранцев элементарно заменял радикальное неучастие покидавших движение. Но теперь у разочаровавшихся в движении появилась возможность изучить причины своего отбытия без необходимости полного отречения от рассмотрения проблем социальной трансформации, которые прежде так волновали их.

Если коммунизм – это не реализация набора принципов, то тогда это, возможно, набор рекуперативных практик, которые обращаются к эффекту Ибн Араби, проявляющемуся у других людей. Это утверждение основывается на том предположении, что разногласие является фундаментальной чертой человеческого рода и что терапевтическая реакция на отдельные элементы разногласия обладает куда большей освободительной ценностью, чем развитие спора. Иначе говоря, существует прямая взаимосвязь между высвобождением разных уровней дискурсов и максимизацией числа тех, кто имеет к ним доступ.

Что происходит, когда продукт работы «Передовой единицы» вернется об-

ратно в движение? Первый вывод, на мой взгляд, будет состоять в сокращении безраздельного господства клише юности и маскулинности (цикл изначальной безбашенной активности и обличения и последующего быстрого ухода в безразличие); это позволит акту радикального разрыва стать менее болезненным (т.е. оно больше не будет восприниматься как нечто чуждое движению, как «предательство») и будет приветствоваться как продуктивное событие.

Кроме того, необходимо обратить внимание и на тех, у кого еще не хватило воли и духа выйти из рядов движение отправиться в свободное путешествие. Идеи и опыт Каматта подвергаются постоянной маргинализации в прореволуционном движении, поэтому предпочтительным вариантом было бы создание организаций, которые вместо обычного конформизма и лояльности активно стимулировали бы людей выходить из движения. Крамольные идеи расхождения должны непрерывно перерабатываться и пересматриваться движением, так как постоянный пересмотр прошлого лежит в основе любого живого социального отношения.

Я рассматриваю классовую борьбу в ее самой тотализированной форме, то есть как производящую привнесение сознания, а не как принимающую его. Никакое субъективное сознание не способно успешно изменить направление борьбы. Процесс обращения идей на глобальном уровне в нормальных условиях определяется расходами капитала на сферу коммуникаций (хотя и это не является гарантией успеха той или иной идеи). Но в беспокойные времена механизм распространения новой идеи становится загадкой. Это значит, что область коммунистического воздействия крайне ограничена, и мне она представляется в виде пасторальной заботы на сверхмалом уровне. Каматт был первым марксистом (возможно, после самого Маркса), который поставил вопрос индивидуального противостояния капитализму, ведь именно индивид, а не какая-нибудь социологическая категория, сталкивается с квантификацией, абстрагированием и превращением его в легкозаменяемую экономическую единицу. Если говорить точнее, то роль коммуниста заключается в отстаивании центрального значения индивида в наиболее радикальных антикапиталистических формациях.

После Каматта целью коммунистической деятельности становится увеличение сознательности в процессе принятия решений на всех уровнях и сокращение таким образом негативного влияния враждебной внешней среды. И когда в движении озвучивается идентификация с производительными силами и идеологией прогресса, когда говорят, что для успешного завершения некоего процесса необходимо уничтожить тех или иных индивидов, коммунист, даже если он заранее обречен на непонимание, должен выступить против: «не эти индивиды и не этот процесс».

Я также считаю, что с этого момента возможна новая теория пролетариата, которая основывается на каматтовской концепции приручения, но не ставит при этом крест на любых прокоммунистических начинаниях. **Приру-**

чение, или реальное господство, производит новые противоречия, которые были неизвестны при формальном господстве; объективная (то есть незнательная) классовая борьба никуда не исчезла. Однако борьба эта теперь происходит за гранью политики, на уровне чувственности: на уровне жесткой связки пролетариата со своим окружением, на уровне немощности, возрастающей болезненности, зависимости, непродуктивности, потери опыта, на основе отказе от ответственности и политики.

Капитализм, похоже, не может выжить без постоянной репролетаризации населения планеты, но вместе с тем этот процесс заражает огромную часть населения жуткой апатией и неспособностью к продуктивному труду. Если мы соглашаемся с каматтовским пониманием условий тотального господства, то мы приходим к тому заключению, что коммунизм больше не может проявиться как результат эволюции капиталистического производства, наоборот – коммунизм теперь мыслим только в контексте резкого материального распада производственных отношений.

Если в прошлом могучее рабочее движение не смогло укротить капитал и подчинить производительные силы своей воле, то, возможно, сегодняшние высокая стоимость воспроизводства пролетариата и его возрастающая бесплезность сигнализируют об отходе человечества от тирании мертвого труда. Мы становимся свидетелями распространения эффекта Ибн Араби на все общество: пролетариат расстается со своей ролью производителя и отправляется в томное блуждание.

Терапевтическая попытка реализации этого неартикулированного отчужденческого сдвига как радикальной и сознательной несовместимости с капиталистическими формами и последующая связка с проектом тотальной социальной трансформации сегодня имеет ключевое значение для прокоммунизма, хотя до того, как мы приступим к этому терапевтическому сеансу, придется вытерпеть еще много боли, утрат, страданий («строгой экономии»).

Ты просил совета, что почитать, но вместо этого я выдал тебе собственный текст. Ты ожидал что-то другое?

С приветом, Братец Дюпон

